

А. П. Сальков

СОВЕТСКО-АЛБАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНТРИГА ДЕКАБРЯ 1924 г. И ДАЛЬНЕЙШЕЕ СТОЛКНОВЕНИЕ СОВЕТСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ В АЛБАНИИ В 1920—1930-е гг.*

Показана советская рецепция Албании на фоне балканской политики Москвы начала 1920-х гг. Рассмотрена попытка установления советско-албанских дипломатических отношений, предпринятая 16—17 декабря 1924 г., свержение революционного правительства Фана Ноли и установление в Албании диктатуры Ахмета Зогу. Проанализирована позиция Коминтерна, столкновение интересов СССР, Англии, Италии, Югославии, Греции.

The article shows the Soviet reception of Albania on the background of the Moscow's Balkan policy beginning of the 1920s. It is considered an attempt to establish a Soviet-Albanian relations diplomatic undertaken on 16—17 December 1924, to overthrow the revolutionary government Fan Noli and the establishment of the dictatorship of Ahmed Bey Zog of Albania. It analyzes position of the Comintern, the clash of interests of the USSR, Britain, Italy, Yugoslavia, Greece.

Ключевые слова: Албания; Коминтерн; балканская политика; Фан Ноли; Ахмет Зогу.

Keywords: Albania; Comintern; Balkan policy; Fan Noli; Ahmed Bey Zogu.

Версальское урегулирование затяжной албанской проблемы завершилось только к 1921 г. Советское руководство проявляло в 1920-е гг. интерес к процессам вокруг Албании, что вылилось в интригу вокруг дипломатических отношений в декабре 1924 г. [1, с. 174—179]. Первая мировая война и Версальская международно-правовая система на время устранили на Балканах германо-австрийское влияние и вывели из игры Россию. Здесь «образовался вакуум, в который поочередно хлынули французское и итальянское влияние при сравнительно пассивной политике Англии». Однако Лондон продолжал «проявлять интерес к восточному побережью Адриатики, противодействуя проискам Италии в Албании» [2, л. 31].

Советское руководство и дипломатия, находившиеся в состоянии международной изоляции, не могли влиять на указанные события. Однако они имели адекватные представления о процессах, проходивших вокруг Албании. Так, в резолюции Второй Балканской коммунистической конференции (София, май 1921 г.) упоминалась Албания с ее «привидной ((болгаризм), т. е. кажущейся. — А. С.) самостоятельностью». Шестая Балканская конференция (Москва, ноябрь 1923 г.) в резолюции о национальных меньшинствах в Греции прямо указывала на албанцев в Эпире. Компартии Греции предписывалось «прокламировать право наций на самоопределение», которое в свою очередь должно было «дать компактно проживающим национальным меньшинствам право отделиться от Греции» [3, док. 1, с. 15; док. 101, с. 171, 172]. Первый секретарь советского полпредства в Австрии Д. В. Богомолов в сообщении в Москву в январе 1924 г. предвидел политический кризис в Албании. Однако он указывал на малую

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

вероятность альянса внутри оппозиционных сил, представленных либералами и консерваторами, за которыми стояли соответственно православные и мусульманские слои населения. Объяснение этому виделось в том, что «вековая роль мусульман в Албании... сводилась в буквальном смысле слова к вырезыванию всех христиан, особенно православных (два последних слова в документе зачеркнуты чернилами. — А. С.)» [3, док. 110, с. 185, 186].

Советский полпред в Турции Я. З. Суриц отмечал в аналитической записке о взаимоотношениях балканских государств от 23 января 1925 г.: «...соприкасательство с Италией проходило по линии вопроса об Албании. Греция претендовала на южную часть Албании (т. е. на Северный Эпир. — А. С.). Сербия претендовала на северную часть Албании, прилегающую к Адриатическому морю». Советский полпред в Греции А. М. Устинов делал (10 января 1925 г.) неутешительный вывод: об Албании «мы фактически знаем еще меньше, чем о Югославии», хотя там сталкиваются интересы Греции, Королевства СХС, Италии, США. «Что делается вокруг албанской нефти, нам неизвестно» [4, прим. 2 к док. 168, с. 330; док. 174, с. 341].

В среде же албанских политиков бытовала уверенность, что именно денонсация Россией тайного Лондонского договора 1915 г. помогла восстановлению независимости и сохранению территориальной целостности Албании. Неудивительно, что когда в феврале 1924 г. в албанском парламенте предложили почтить память умершего президента США В. Вильсона, то единодушно было принято и предложение лидера общества «Башкими» («Единение») Авни Рустеми, который выступал за проведение демократических реформ, воздать должное и В. И. Ленину как защитнику интересов Албании. В апреле в Рустеми стрелял наемный убийца. Похороны состоялись в южно-албанской Влёре, после чего город стал центром готовящегося народного восстания. Уже 10 июня 1924 г. отряды восставших вошли в Тирану. Революционное правительство возглавил недавний эмигрант, глава албанского патриотического общества в США «Ватра» («Очаг») православный епископ Дурреса Теофан (Фан) Стилиан Ноли (был рукоположен в священники с правом отправления литургии на албанском языке в 1908 г. в нью-йоркском соборе Св. Николая архиепископом Русской церкви в Америке, чем был оформлен разрыв албанской православной церкви в Бостоне с Константинопольской патриархией). Однако ему не удалось реализовать программу радикальных реформ и выйти из дипломатической изоляции [5, с. 45, 116, 117].

Один лишь СССР соглашался признать Албанию, которая, по словам наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, могла представлять интерес «как территориальная база для нашей политической акции на Балканах», а также имела значение «наблюдательного пункта на Балканах и возможной базы для нашей работы». Практические шаги в этом направлении в июле — августе 1924 г. были остановлены из-за бурной негативной реакции Лондона и Парижа. Не зная о закулисной стороне дела, Чичерин лично обращается к Тиране. Поэтому находившийся в октябре в Риме Ф. Ноли встретился не только с итальянским премьер-министром Б. Муссолини, но и с советским полпредом К. К. Юреневым [4, док. 37, с. 85, 86; док. 39, с. 88; док. 44, с. 94; док. 67, с. 128; док. 83, с. 149; док. 90, с. 163—165]. Это вызвало истерику в британской прессе и вынудило Ноли отложить обсуждение вопроса об установлении отношений с СССР. Но его директива на сей счет запоздала, и 16 декабря советское полпредство во главе с А. А. Краковецким прибыло в Тирану. (Благоприятный момент был упущен из-за трехмесячных бюрократических проволочек в Москве, в их последующий разбор были вовлечены Г. В. Чичерин, Л. М. Каганович, И. В. Сталин [4, док. 144, с. 286, 287; док. 168, с. 329, 330].) В тот же день вечером албанское правительство решает принять полпредство. На следующий день, 17 декабря, последовали протесты из Лондона, Рима и Белграда, которые имели характер ультиматума и шантажа: если советский дипломат останется в Тиране, то никто не будет мешать уже начавшемуся с югославской территории вторжению отрядов бывшего албанского премьер-министра Ахмета Зогу. В тот же день правительство попросило советское полпредство покинуть Албанию, что и произошло 18 декабря [4, док. 158, с. 310—311; док. 164, с. 323].

Это не спасло правительство Ф. Ноли. 24 декабря 1924 г. части А. Зогу, югославские войска и отряды врангелевцев заняли Тирану, подавив буржуазно-демократическую революцию. Бежавшие члены кабинета Ноли были приговорены к смертной казни, но в Москве сочли «нецелесообразным и нежелательным предоставление местопребывания правительству Фаноли (так в документе. — А. С.) в Одессе». Греческое правительство его «приютило как в Эпире, так и в Македонии» [4, док. 151, с. 296, 297; док. 165, с. 326; док. 175 и прим. 2, с. 346]. В Албании установилась диктатура Зогу, который вновь стал премьер-министром, а в 1928—1939 гг. как Зогу I Скандербег III являлся «королем албанцев».

События в Албании вызвали живой отклик в Коминтерне — приход к власти Ф. Ноли был безоговорочно поддержан, а его свержение привело к выработке позиции Балканской коммунистической федерации (БКФ) на заседании ее президиума 20 января 1925 г. Она включала положения: свержение режима Зогу, независимая албанская республика, «отказ от любого открытого или завуалированного вмешательства» извне в политику Албании и самое главное — «национальное объединение всех областей, население которых в своем большинстве является албанцами» (конечно, имелось в виду создание надгосударственной Балканской федерации). Имели место противоречивые решения Балканской комиссии ИККИ / ЦК РКП(б): «Курс на немедленное восстание в Албании считать нецелесообразным» (12 апреля), «Считать возможным и целесообразным назревающее изолированное восстание в Албании» (14 апреля). 28 июля 1925 г. была занята позиция: «Курс на восстание не держать и переговоров об этом не вести» [4, док. 173, с. 340; док. 211, с. 429; док. 212, с. 431; док. 252, с. 506].

Неслучайно Ф. Ноли на встрече с Чичериным в Берлине 14 октября 1925 г. следующим образом понял позицию Москвы (со слов наркома из его письма своему заместителю М. М. Литвинову): «...мы запрещаем ему устроить революцию». На это интеллектуал Чичерин дал весьма мутное объяснение: «...мы не можем брать на себя оказание поддержки такой революции, ибо это не так просто», имея в виду угрозу вмешательства со стороны премьер-министра Королевства сербов, хорватов и словенцев Н. Пашича или Б. Муссолини. Вопрос о восстании в Албании продолжал муссироваться в БКФ и в 1926—1928 гг., хотя негативное отношение к нему не менялось. Наконец, 3 мая 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло неожиданное решение ликвидировать Балканскую комиссию и «прекратить активную работу советских органов на Балканах» (решительно возразили только член Исполкома Коминтерна Г. Димитров и Г. В. Чичерин) [4, док. 264, с. 529; док. 311 и прим. 3, с. 646, 647]. На ее месте возникла Балканская секция Коминтерна, располагавшая скромными возможностями.

И в Албании, и в эмиграции формировались силы противников Зогу. В марте 1925 г. в Вене был образован во главе с Ф. Ноли Национально-революционный комитет (КОНАРЕ). Его платформа предполагала свержение Зогу, установление республики, проведение аграрной реформы (в Албании она не была осуществлена, поэтому на юге страны начался исход мужского населения), восстановление этнических границ государства. В 1928 г. комитет раскололся на две организации — «Члиrimi националь» («Национальное освобождение»), поддерживавшее связи с Коминтерном, и «Башкими комбтар» («Национальное единение»), занявшее ультраправые позиции. Самая крупная антизогистская структура — «Тайная организация» — возникла в апреле 1934 г. в Тиране, создав сеть филиалов на юге Албании. В августе 1935 г. она подняла восстание в г. Фиери (к северу от Влёры), которое было жестоко подавлено. (Восстание получило высокую оценку Балканской секции Коминтерна, рассмотревшей его уроки на своем заседании в декабре 1936 г.) Новое восстание прошло в мае 1937 г. в Дельвине. Им руководил начальник жандармерии Гирокастры Эхтем Тото. Но и оно было быстро подавлено. Наделав много шума в Европе, эти восстания не имели серьезной политической базы. В историографии бытует мнение, что Зогу I мог удерживаться у власти только потому, что ему не было замены. В самой стране организованная оппозиция не сложилась, а противники режима в эмиграции были разобщены [5, с. 143, 146, 158—166].

На международной арене за влияние на Албанию соперничали Великобритания, Италия и Югославия. Итальянский делегат в Лиге Наций так охарактеризовал в 1926 г. отношения между ними: «Албания — это служанка-госпожа двух хозяев с неким любовником, маячащим в отдалении». Однако Италия все более определенно побеждала в этом соперничестве. В ноябре 1926 г. был заключен итало-албанский Договор о дружбе и безопасности (1-й Тиранский пакт), подготовивший условия для протектората над Албанией. В ответ на легкие возражения Н. Чемберлена по поводу пакта в личном послании Б. Муссолини последний дал резкую отповедь: «Албания является вопросом жизни для Италии. Допустила бы Англия дискуссии насчет Гибралтара, Мальты, Суэца? Нет. Для Италии Албания имеет аналогичную ценность...». В ноябре 1927 г. был подписан новый документ — Договор об оборонительном союзе (2-й Тиранский пакт), который фактически лишил Албанию политической самостоятельности, превращая ее в плацдарм Италии на Балканах и в сырьевой придаток (вся албанская нефть в сыром виде вывозилась через Влёру на нефтезаводы Венеции и Фиуме). Итальянская политика «медленного давления и резкого скачка» имела в Албании полный успех. Влияние Италии чувствовалось во всем. При содействии Ватикана православная буржуазия Южной Албании («корчинская плутократия») помогла албанской православной церкви объявить в 1929 г. автокефалию от Константинопольской патриархии (признана Святым синодом только в 1937 г.). Попытки Албании в первой половине 1930-х гг. ослабить итальянские обязательства потерпели крах и закончились заключением в марте 1936 г. кабальных соглашений с Италией в экономической области [5, с. 135, 138—142, 150, 151, 164, 170].

Греция также прилагала усилия к налаживанию отношений с Тираной. В 1937 г. ей удалось добиться автономии для греческой церкви в Албании. На празднование 25-летия независимости в Албанию прибыла большая греческая делегация, и газеты писали о горячем приеме. Однако, как отмечалось в годовом отчете советского полпредства в Греции за 1937 г., «в действительности этот прием не был так горяч и албанцы отнюдь не проявляют большого энтузиазма к дружбе с Грецией» [6, л. 54]. В сентябре 1933 г. в Риме был подписан советско-итальянский Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете (назван так по инициативе Муссолини, с чем политбюро ЦК ВКП (б) согласилось в специальном постановлении) [7, док. 165, 166, с. 330—332]. В сентябре 1934 г. произошло восстановление советско-албанских отношений, но оно было формальным актом и не привело к активизации связей. Полноценное же «возвращение» СССР на Балканы произошло весной 1939 г., начавшись с Болгарии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сальков А. П. Албано-греческий территориальный спор в Северном Эпире и советские интересы в Западно-Балканском регионе (1921—1941 гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. Вып. 6. С. 174—185.
2. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 6. П. 14. Д. 149 — Материалы и стенограммы протоколов заседаний Комиссии Литвинова.
3. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов : в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 1. 2000. 304 с.
4. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов : в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2 : Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. 2003. 688 с.
5. Смирнова Н. Д. История Албании в XX веке. М. : Наука, 2003. 431 с.
6. АВП РФ. Ф. 05 (Секретариат М. М. Литвинова). Оп. 18. П. 142. Д. 62 — Записи бесед с иностранными представителями, дневниковые записи Шаронова, годовые отчеты полпредств.
7. Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1939 : сб. док. М. : Наука, 2002. 483 с.

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2014 г.